

УДК 81'27

doi 10.17072/2073-6681-2019-3-71-79

ЗАПРЕТЫ И ПРЕДПИСАНИЯ В РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЕ ПЕРМСКОГО СТАРООБРЯДЧЕСТВА¹

Екатерина Николаевна Свалова

**к. филол. н., доцент кафедры общего языкознания, русского
и коми-пермяцкого языков и методики преподавания языков**

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

614090, Россия, г. Пермь, ул. Сибирская, 24. svalova87@mail.ru

SPIN-код: 6094-4184

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8181-808X>

Статья поступила в редакцию 22.07.2019

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Свалова Е. Н. Запреты и предписания в речевой культуре пермского старообрядчества // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2019. Т. 11, вып. 3. С. 71–79. doi 10.17072/2073-6681-2019-3-71-79

Please cite this article in English as:

Svalova E. N. Zaprety i predpisanija v rechevoy kul'ture permskogo staroobryadchestva [Everyday Prohibitions and Prescriptions in the Speech Culture of the Perm Old Believers]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2019, vol. 11, issue 3, pp. 71–79. doi 10.17072/2073-6681-2019-3-71-79 (In Russ.)

В статье рассмотрены устойчивые выражения с семантикой запрета и предписания, зафиксированные в речи староверов Пермского края. Эти прескриптивные высказывания отражают мировоззрение представителей старообрядческой культуры, систему ценностей религиозного сообщества, выступают как средство самоидентификации его представителей. Внимание обращено на выражения, которые организуют повседневное поведение.

Исследуемые высказывания как речевой жанр содержат истолкования базовых категорий бытия человека, норм поведения в быту. При этом отраженная в них система запретов и правил связана с духовностью человека: религиозное начало остается ведущим в жизненной практике и приобретает нередко форму ее гиперсакрализации. В основе вербальных запретов и дозволений зачастую лежит оппозиция «свое-чужое», где за «своим» закрепляется правильное (праведное), должное поведение, за чужим – прямо противоположное (от антихриста). Ненормативное поведение оценивается как греховное.

Анализ материала показывает, что высказывания-запреты и предписания демонстрируют высокую степень сохранности, несмотря на то, что в современных условиях некоторые нормы потеряли актуальность (редуцировались или исчезли), а к существующим правилам появились послабления. Зафиксированные в речи пермских старообрядцев изречения в значительной степени соотносимы с прескрипциями старообрядцев других территорий России. При этом очевидны отличия в их компонентном составе, в художественной оформленности (рифма и ритм, которые нередко создаются благодаря диалектной огласовке и народно-этимологическими сближениями). Не тождественны и объяснения (нарративы интерпретационного характера) существующих норм и правил. Таким образом, многие описываемые прескрипции имеют свою локальную, пермскую специфику, которая главным образом проявляется на лингвистическом уровне.

Ключевые слова: речевая культура старообрядчества; речевой жанр; этикетные формулы; прескрипции; языковые средства выражения запрета.

Запреты, являясь устойчивыми высказываниями о вере и обязанностях, представляют интерес для исследователей разных областей гуманитарного знания. Подобного рода вербальные пре-скрипции в традиционной культуре связаны с многовековым культурно-языковым опытом народа, поэтому в современных научных раз-ыс-каниях они все чаще являются объектом изучения этнолингвистики, лингвокультурологии и фольклористики. Выявляя функцию запретов, ученые сходятся во мнении о том, что «подчи-нение» запрещающим выражениям делает жизне-деятельность этноса «нормативно стабильной» [Владыкина 1997: 241], а сам запрет интерпрети-руется как «форма ограничения прав и желаний, предупреждение и назидание во имя гармонич-ной жизнедеятельности» [Гайсина 2013: 12]. За-метим в связи с этим, что культура в целом пред-ставляет собой систему моральных запретов и табу (часто условных) и владение любыми ее формами требует отказов и ограничений.

Запреты, регламентирующие бытовое и обря-довое поведение, хозяйственную деятельность человека и сообщества, давно привлекает внима-ние исследователей. В российской этнографии и фольклористике первое более полное изучение запретов (и более строгих их форм – табу) вы-полнено на материале самых разных культур Д. К. Зелениным. Ученый в работе «Табу слов у народов Восточной Европы и Средней Азии» [Зеленин 1929] исследовал промысловые, ското-водческие и бытовые запреты и увидел во мно-гих из них отраженность магических форм (в том числе магии слова). В наши дни интерес к запре-там не ослабевает. Л. А. Абукаева в статье «Ма-рийские запреты. К вопросу о природе и специ-фике» (2016) отметила высокую активность за-претов в повседневной коммуникации марий-ского народа, включенность их в систему обря-дов и ритуалов, тесную связь с суевериями. «Функция запретов, – пишет исследователь, – заключается в том, что они были призваны под-черкнуть почтительное отношение к объектам поклонения. Их соблюдение должно было обес-печить покровительство высших сил, безопас-ность и благополучие рода и семьи, а также от-дельного человека» [Абукаева 2016: 82]. Л. А. Абукаевой выделены разные классы за-претов: запреты культового характера, запреты утилитарно-практического (бытового) характе-ра. Говоря о функционировании запретов, Л. А. Абукаева подчеркивает, что запреты разли-чаются не только по содержанию и функции, но и по особенностям использования: они обладают различной степенью строгости выполнения» [там же: 83]. Запреты в фольклоре башкир рассмотре-ны в диссертации Ф. Ф. Гайсиной «Запреты как

фольклорный жанр в традиционной культуре башкир» (2013). Как считает исследователь, их происхождение связано с почитанием природы, сфер животного и птичьего мира, небесных тел и природных стихий. Запреты башкир, как и мно-гих других народов, «являются первичной фор-мой социального, правового регулирования жиз-недеятельности отдельных индивидов и социу-ма», представляя собой фольклорный жанр в традиционной культуре башкир, имеют «синте-тический характер, требующий изучения их в языковом, философском и правовом ракурсах» [Гайсина 2014: 4].

В языковом плане запреты рассматриваются как один из речевых жанров (или микрожанров), имеющий свою специфику [Руссинова 2006, Иванова 2014, Назари 2011]. К примеру, Фатеме Назари указывает, что запреты имеют как импе-ративное, так и неимперативное выражение [Назари 2011: 684], что семантика запрета в рус-ском языке обеспечивается использованием спе-циальных операторов отрицания (частица *не*, слово *нельзя*, которое выражает абсолютную не-возможность совершить какое-либо действие). Среди лексико-синтаксических средств чаще всего запрет выражают предложения с обобщен-ным значением, в которых глагольные предика-ты имеют «всевременное» значение, а имя субъ-екта выступает как обобщающее [Иванова 2014: 84]. Трансформацию значений компонентов за-претов Н. В. Иванова иллюстрирует старообряд-ческим правилом: *Ты можешь войти в другой храм, но ты не молишься вместе с ними*; в вы-сказывании подлежащее выражено местоимени-ем 2-го лица единственного числа *ты* с семанти-кой потенциально-конкретного лица. По семан-тике это отнесенное к сфере будущего волеизъ-явление говорящего, опирающееся на авторитет традиции, выражающее обобщенный коллектив-ный опыт нескольких поколений носителей ста-рообрядческой культуры. «Ответа» на высказан-ный запрет ждут не на словесном уровне, а на уровне действий.

Исследователями отмечается образование за-претов по модели параллелизма («мир реальный – мир потусторонний»), по модели противопо-ставления, на основе символизации или олице-творения [Абукаева 2016]. В целом же в кругу других устойчивых сочетаний запреты не обла-дают выраженной структурной стабильной оформленностью, несмотря на то, что их семан-тика устойчива. Еще одна черта единиц, относя-щихся к данному жанру, проявляется в том, в большинстве своем они не отличаются художе-ственной оформленностью, в отличие, например, от пословиц и поговорок. В паремиях также за-креплены нормы поведения, ср. о грехе «перего-

варивать» у верующих, т. е. много говорить: *умный молчит, а глупый ворчит*; приведенный рифмованный пример хорошо иллюстрирует стилистическую обработанность пословиц. Элементы художественной обработки очевидны в запретах, содержащих игру слова (*Чай от Бога отчаивает* о запрете пить так называемый «фамильный», т. е. привозной чай из листов чайного куста), звуковую инструментовку, рифму (*Кто курит табаки, тот хуже собаки* о грехе курения; *Что лайко, что зайко* о запрете есть зайчатину).

Запреты обеспечивают нормативно стабильное и гармоничное существование, выражают свою систему ценностей, правил, обычаев, норм, которая «служит основой конфессиональной и культурной идентичности староверов» [Иванова 2014: 74]. Формирование специфического поведения носителей старой веры продиктовано главным образом их стремлением к определенной изоляции от инокультурной среды, а запреты в основном связаны с духовными ориентирами личности, даже если они касаются быта и повседневности. Связь эта объясняется тем, что в практической деятельности сильно религиозное начало: человек ощущает потребность постоянного присутствия Бога, его волеизъявления, соучастия в ежедневном своем существовании. Этот жанр в культуре пермского старообрядчества (разных его согласий и толков) фиксируется давно. В нашей статье рассмотрены запреты, опубликованные архимандритом Палладием [Архимандрит Палладий 1863], активно используются этнолингвистические и фольклорные материалы экспедиций 2004–2019 гг. филологов Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета в районы проживания старообрядцев.

Запреты и предписания функционируют в повседневной и обрядовой коммуникации, поэтому этот жанр логично рассматривать в обрядовом и бытовом проявлении. Подобным образом описан речевой этикет старообрядцев Эстонии (см.: [Морозова, Новиков 2007, Паликова 2010]). В то же время граница между этими видами коммуникации достаточно условна в традиционной культуре вообще. В среде старообрядцев быт еще в большей степени ритуализирован, поэтому многие предметы, явления и действия сакрализируются, возникающие запреты и предписания осмысливаются как непреложные истины и исполняются с истовостью верующего человека. Повседневное не осмысливается как противопоставленное исключительному, оно также имеет вечный смысл, раскрываемый во Христе, отсюда так называемая сверхсакрализация жизни (быта) в мировоззрении и культуре повседневности старовера, четкое следование выработанным прави-

лам и нормам поведения, бытовой консерватизм. Если цель соблюдения запретов в обычной жизни – предупреждение угрожающих жизни и благополучию событий и состояний, то многие старообрядческие запреты направлены на предотвращение греха, греховного поведения. Так, хорошо известный мужской запрет бриться воспринимается просто как суеверие (напр., *Мужчине перед рыбалкой не следует бриться, улова не будет*), которое восходит к архаическому представлению о концентрации в волосах и бороде жизненной силы. У старообрядцев же брандобритие считалось серьезным грехом, его воспринимали как «поругание образа Божия». Подобное отношение к бороде отражено в пословицах и поговорках: *Борода не вреда, глазам замана* (о сакральной ценности бороды, увеличивающей согласно народным представлениям физические способности человека); *Без бороды не мужик; Без бороды в Царство небесное не пустят* (*У меня папа бороду не носит, но сейчас говорит: «Пора уже бороду отращивать, а то как без бороды хоронить будут»* – Лысьва), в пренебрежительной характеристике никонианина *скоблёно рыло*. Близким по смыслу является старообрядческий запрет *стричь волосы, делать прическу женщинам* (*Нельзя волосы не то что стричь, завивать нельзя* – Лысьва). Нарушение запретов обычно исправляется чтением молитв (*Молитву надо творить, а то я измирилась, съездила в сельсовет на автобусе* – с. Сепыч, Верещагинский район; *измиричься* – приобщиться к миру, к тем, кто вне согласия). В традиционной культуре избавление от опасных последствий нарушения достигается чаще всего мерами магического характера (вербальными и/или невербальными). Так, нарушение запрета на пожелание удачи у рыбаков «нейтрализуется» бранью в адрес пожелавшего.

В настоящей статье мы остановимся на бытовых запретах в речевой культуре староверов Пермского края. Речь идет о запрещениях, касающихся поведения в быту. Отметим, что многие запрещения (впрочем, как и дозволения) универсальны для старообрядчества в принципе, но оформлены нередко так, что имеют свою региональную специфику. Пермский языковой материал в этом смысле вписывается в широкую картину речевой культуры русских староверов, но при этом демонстрирует степень сохранности тех или иных запретов и предписаний, отношение к ним (способы интерпретации, в частности) и некоторые особенности их лингвистического оформления на конкретной территории, например, использование местной диалектной лексики и фразеологии. Так, в контексте запрета на использование вилок («*Мы вилками не пользуемся*»

– Лысьва) отмечено слово *вілошно*: название блюда, которое необходимо есть вилок (например, пельмени, холодец). Запрет известен и в православной среде, но касается исключительно поминального стола. В отдельных территориях Прикамья *вілошным* старообрядцы угощают гостей в обручение, перед свадьбой (с. Григорьевское, Нытвенский район). В наши дни отмеченная традиция практически утрачена.

В отличие от общеязыковых запретов, в качестве основного оператора отрицания при выражении запрета используются слова *грех* (*Мы не ели зайцев, грех есть зайцев* – Лысьва), *грешно*, *погрешно* (*Соль голыми руками не хватайте, только ложечкой. Очень погрешно* – д. Бурыволово, Кишертский район; *Записываться на матифон грешно, голос после меня наверху останется* – Усть-Уролка Чердынский район); выражения *не по вере, вера не велит* (*Зайца грешно по нашей вере есть* – В.-Язьва Красновишерский район).

Несмотря на близость запретов в повседневной и обрядовой среде, следует, на наш взгляд, рассматривать отдельно выражения, не связанные с конкретным обрядом, соотношенным с собственно религиозным событием или культовым действием, и бытовые запреты сугубо утилитарно-практического характера. Так, обрядовый запрет плясать на Пасху связан с необходимостью отказа от мирской суеты и всего плотского во время празднуемой встречи с Воскресшим: *На Пасху делали качели, плясать-то грешно. На качелях пели: Пасха священная нам днесь показася, Пасха святая, Пасха всечестная, Пасха Христос избавитель* (д. Антипина, Красновишерский район). Отметим также, что разграничение бытовых и культовых запретов не всегда возможно: по словам М. О. Шахова, «бытовой консерватизм старообрядчества основывается на религиозном традиционализме» [Шахов 2000]. Поэтому среди бытовых мы рассматриваем прежде всего пищевые запреты и те, которые связаны с обыденной жизнью человека (физические действия, уход за собой, контакт с современными техническими новшествами).

Пищевые запреты

В группе бытовых запретов большую часть образуют так называемые застольные и пищевые запреты, которые могут быть связаны с конкретным продуктом питания, со способом приготовления блюда или напитка и особенностями их употребления. В эту группу входят и этикетные выражения (чаще это предписания), которые так или иначе связаны с ситуациями употребления пищи (Е. С. Бойко называет их актом трапезнования [Бойко 2012]). На основе представления о

том, что обеденный стол – это «Божья ладонь», а пища соответственно *Божье подаяние*, формулируется запрет на употребление пищи вне стола: *«От стола до стола никто не кусобинничал, раньше было»* (с. Култаево, Пермский район). Выражение иллюстрирует представление о том, что еда «вне стола» не воспринимается Божьей, поэтому не несет в себе пользы для человека. Само обозначение «вне стола» возможно интерпретировать и как период, не связанный с регламентированным временем для трапезы, и как употребление пищи (пользование чужой посудой) вне собственного дома, у чужих людей: *«А вот у нас сваты приезжали с Сибири. Он у нас не пил, не ел. Сходил на ключик, там воду взял. Мы говорим: ну как это, хоть поешь чё-нибудь. «А чё мне охота сорок лестовок отмаливаться»? Сорок лестовок ему за то, что поест где-то. Ак вот он и воздерживался. Ему нигде ни попить, ни поесть в чужом месте»* (Лысьва). Как и в ряде других территорий России, пермские староверы, называя стол *престолом*, не стелют на него клеенку (ср.: *На клиёнке грех ись, ну в ёй резина: она не чиста. Надо застилать только льниную скатерть. Только лён чистой* [Бойко 2012: 241]).

Известный запрет *не оставлять стол без солонки* – свидетельство восприятия соли как высосакрального продукта. В традиционных культурах соль – символ вечности и исключительной ценности, в практическом плане в разнообразных формах применяется как оберег. В высказываниях *Кто мачет яйцо в солонку, тот в дружбе с бесями* (с. Григорьевское, Нытвенский район; ср. распространенное *Соль рассыпается – бес улыбается*); *В солонку ни пальцем, ни яйцом* отражен запрет рассыпать соль, в том числе с отсылкой к образу опрокинутой Иудой на Тайной вечере солонки. Еще одно правило старообрядческого застольного этикета – *Не брать соль из солонки щепёткой*: сложенные вместе три перста никониан-православных называются *щепёткой*, *шпепетью*. Таким образом, воспроизведение чуждого троеперстного крестного знамения уподоблялось старообрядцами святотатству. Еще один пример запрета с солью – невозможность в застолье о недосоленной пище сказать «без соли»: *«Без соли» нельзя говорить, когда едят. Выходит слово «бес», чтоб он солил. Надо говорить “недосол”*» (с. Фоки, Чайковский район).

Среди других правил приема пищи значима оппозиция «день – ночь». Фиксируются запреты на трапезу в ночное время (*Ночью хлеб спит*), в том числе и питье воды (*С постели ставши не пить по почам* [Архимандрит Палладий 1863: 194]). Отметим, что в ночное время запрещены

любые действия с водой: она тоже «спит» (*Грех набирать воду ночью*). Безусловно, в такого рода запретах ощущается «анимистическая подкладка» [Зеленин 1929: 56], древнее почитание воды как величайшей духовной ценности. Запрет на трапезу в ночное время реализуется в требовании не оставлять пищу открытой: *«Нельзя посуду незакрытой на ночь оставлять. Не положено по-нашему. Ну, у нас не положено. Мы всегда всё закрываем, посуду опрокидываем»* (Лысьва). Закрывание пищи, сосуда с напитком является предписанием-правилом для человека и считается преградой для нечистой силы: *«Надо хотя бы палочку сверху положить, чтобы бес не выкупался, ноги свои не ополоскал»* (В.-Язьва, Красновишерский район), аналогично вода в доме, которая оставалась на ночь незакрытой, считается опасной для человека.

Многие пищевые правила связаны и с запретом на конкретные продукты питания. Устойчив запрет на употребление в пищу мяса зайца. Кроме общей оценки «грех, грешно», «не дозволено», староверы предлагают различные объяснения запрета. По одной из версий есть зайца нельзя, потому что он рождается слепым и без шёрстного покрова: *«Мы не ели зайцев, грех есть зайцев – потому что зайцы рождаются слепые и голые. Хоть птица, хоть животное родится в таком виде, не положено его есть. Это ещё Моисей закон дал, и потом у нас это укоренилось. Так Бог велел»* (с. Меча, Кишертский район). По другой версии, запрет на зайца обусловлен внешней схожестью его с собакой: *«Что зайко – что лайко»* (Лысьва; в содержащей запрет поговорке использовано характерное для говоров название животного по свойственному для него действию и диалектное же оформление средним родом). Но не только соотношение по внешним физическим признакам в представлении староверов «роднит» собаку и зайца. Подчеркивается и тождественность их «функций»: собака, которая принадлежит хозяину-человеку и служит ему, одновременно считается и нечистым животным, и одним из воплощений черта; заяц подчиняется хозяину леса (*«Зайца грешно по нашей вере есть. Заяц это лешева собака, у его и лапы собачьи»* – с. В.-Язьва, Красновишерский район), его мясо *«вызывает похоть»*. Фиксируется и прямо противоположное объяснение запрета, связанное с позитивным восприятием зайца: *«В Библии написано, что зайца нельзя есть, записано, он когтистый, а которые говорят, он Иисуса Христа спас. Когда за Иисусом гонялись, он превратился в ребёнка. Зайца спросили: «Где Иисус»? Заяц де ответил: «Сосчитайте, у меня на самом кончике уха чёрные волосики есть. Когда эти волосики сосчитаете, я вам скажу, где Иисус».*

Они начали считать, а заяц нет-нет, да и тряхнёт головой, они сосчитать-то и не могут» (с. В.-Язьва, Красновишерский район).

Частично фиксируется в Пермском крае старообрядческий запрет на пельмени: *«Пельмени в обычные дни не дозволены были»* (д. Усть-Уролка, Чердынский район). Возможное объяснение его заключается в особом восприятии пельменей соседями-коми-пермяками преимущественно как обрядовой пищи, прикрепленной к поминальным обрядам: *«По кругу угощают: один человек подаёт вино красное или водку, а другой пельмяни. Пельмяни сварят и горячими пельменями всех угощают. По одному пельмешку все берут. Если в пост умер, то из грибов, а если в мясной период, то из мяса»* (Капилино, Юсьвинский район). Традиция до последнего времени жива на севере: *«В поминки на девять дней три перемены надо было делать. Три раза пельмени раньше подавали – кислые, мясные, грибные»* (д. Усть-Уролка, Чердынский район). Отмеченная традиция закрепились в коми-пермяцком соотношении пельменей со смертью (ср. в примете: *«Пельмяннез – куём, букв. ‘Пельмени – к смерти снятся’*). Блюдо известно и как «профетическое» средство и используется в гаданиях на судьбу (в Новый год, на именинах, крестинах стряпают пельмени с символически значимой начинкой). Наконец, пельменями «лечили» больных порчей (*«Перед тем, как больную с икотой накормили пельменями, порча у нее еще ругалась, матькалась: «Вы что, хотите меня накормить пельменями?»»* (д. Антипина, Красновишерский район). Ощутимы отголоски восприятия пельменей как ритуальной пищи и в русской речи Прикамья: в говорах сохраняется застольные шуточные побуждения выпить при начале угощения пельменями *«На пельмени-то пьётся, Пельмень по воду ходил»* (п. Юго-Камский, Пермский район). Ассоциации пельменей с «нерусским» и явно языческим блюдом могли лечь в основу отмеченного запрета использовать их в повседневном быту.

Повсеместно распространены у староверов запреты на продукты, воспринимаемые как поздно появившиеся в России, завезенные: чай, кофе, картофель, сахар. Мотивация такого рода запретов достаточно подробно описана разными авторами, поэтому мы остановимся лишь на некоторых пермских контекстах, которые интересны в лингвистическом отношении.

Негативное отношение к картофелю выражалось в неприличных его номинациях в старое время: *«собачьи яйца, собачьи мудё»*. На использование продукта накладывался строгий запрет (то же во многих других территориях обитания старообрядцев (см.: [Волкова 1994: 78]). Отголоски запрета видны в сохраняющейся его характери-

стике *поросьячья еда* (с. Кын, Лысьвенский район). В речи пожилых еще встречаются рассказы о том, что из картошки вырастет собака (*Бабушка мне говорила, посади картошку в гряду, поливай ее, и потом у тебя из нее станет черная собака* – д. Пож, Юрлинский район). Распространенное в Прикамье в прошлом старообрядческое отношение к картофелю как к нечистому, «нерусскому» овощу постепенно исчезло, но некоторое время сохранялось в отдельных обрядовых запретах (*На поминки старообрядцы не готовили ни шанег, ни пирогов с картофелем. Говорили раньше – в картошке чёрт прячется*) – с. Калинино, Кунгурский район). Примерно так же в наши дни меняется отношение к бананам: *Один тут бананы купил. А старик-то говорит: «Поросьячью еду берёте?» – «А ты чё-но картошку заготовляешь, не поросьячью что ли? Картошка-та тоже поросьячья еда»* (д. Антипина, Красновишерский район).

Запрет пить фамильный (по другим названиям *китайский, турецкий*) чай (*Кто пьёт чай тот отчаянный человек* [Архимандрит Палладий 1863: 152]) отражает крайне значимое для носителей старой веры качество – сдержанность и миролюбие (о чем красноречиво говорит предписание *Нельзя ставить на молитву, если с кем не ладишь: «Нельзя ставить на молитву, если с кем ле не ладишь. А како худо бывает, когда умираю в ссоре – кто там нас отмолит? Утром поссорился, к вечеру помирись – так ране говорили»* [Дронова 2014: 18]). Другой запрет на чай *Чай от Бога отчаивает* мотивирован лингвистически – отмечает потерю надежды для любителя чая на Бога (в соответствии с этимологией глагола, образованного от старого *чаять* ждать). В народных преданиях о чае растение связывается со смертью Христа: *Когда Иисуса распяли, было затмение, а чай и табак расцвели. Вот поэтому чай пить и табак курить – грех* (с. Меча, Кишертский район). До наших дней вместо чая от чайного куста старообрядцы пьют *горный* (из собранных на возвышенностях трав), *копорский* (приготовленный из Иван-чая) чай, *травник* из листьев смородины. Самовар уже не называют *шпучая змея* (*медный зверь, нечистый дух* – с. Фоки, Чайковский район), хотя еще и помнят эти характеристики; постепенно отношение к чаю в старообрядческой среде изменилось (примерно с 60-х гг. XX в.).

Жесткие ограничения употребления спиртного содержит запрет *Пиво, вино и брага – ярость змеиная* [Архимандрит Палладий 1863: 194]. У современных старообрядцев нет жесткого табу на употребление алкоголя (*В старых книгах упоминается, только не водка называлась, а ракья, значит, можно* – с. Кын, Лысьвенский рай-

он; ср. мотивировка отступления от правила у русских староверов Латвии: *«Рюмку не грех. Ести ж писано: «Была свадьба. Ну, и не хватило, водки было мало. Ну, и как раз Иисус Христос шёл. Ну, и ему: “С воды сделай водку!” Ну, и вот люди все пили и веселились. Только нельзя до безумия напиваться. Ну, первая рюмка – на здоровье, вторая – на веселье, а третья – уже на безумие»* [Иванова 2014: 77]). При этом в речи отмечается большое количество разрешительных высказываний, содержащих ограничения в спиртном: *Первая для здоровья, другая для веселья, третья для пагубы души* (п. Рассоленки, Лысьвенский район); *Если выпить одну чарку (кружку), то это не является грехом, а вторая идет на гулянье, третья на блуд* (д. Горбуново, Пермский район).

Отмеченные пищевые запреты частью восходят к древним ветхозаветным правилам, которые были усвоены с принятием христианства (в том числе так называемый Моисеев закон, см. о запретах на зайчатину: [Кабакова 2015: 172]), частью являются отголосками языческих культов тотемных животных, мотивированы тем, что относятся к чужим, имеющим неизвестные свойства продуктам.

Запреты, связанные с обыденной жизнью

Запрещения на поведение человека в быту крайне разнотемны и касаются эмоционального и трудового поведения (*Грех смеяться в пятницу, Грех работать в праздник – праздничная работа в путь не идёт*), отношения к своей внешности (*Нельзя стричь ногти в воскресенье, Грех красить брови*), пользования многими предметами поздней или чужой культуры (*Грех смотреться в зеркало, Грешно фотографироваться, Грех носить одежду с нерусскими буквами*). Есть темы, для которых выработано большое количество запретов. Таков запрет на курение. Если запрет на употребление спиртного в старообрядчестве не является жестким, то курение находится под строжайшим запретом: *Табак хуже водки по алкогольности* (с. Кын, Лысьвенский район). Запрет выражен в массе выражений: *Кто курит, тот Бога от себя турит* (от диалектного *турить* гнать, выгонять; известен и вариант *Кто табак курит – Святого Духа из себя турит*), *Курить – грех, табачники – аду приказчики* (д. Б.Бизь, Лысьвенский район), *Кто курит табáки, тот хуже собаки* (Пермь). Обоснованием запрета являются народные рассказы о табаке как «противнике» Христа: *Табак нельзя курить. Когда Иисуса Христа на распятьё вели, по табаку его вели, и он ноги ему все сплел. И Иисус его проклял. Очень погрешно табак курить. А пить – немножко-то можно пить, не до блаженья.*

Можно для веселья, кости чтобы раскрепостились (д. Осинцево, Кишертский район).

Строго относятся носители веры к особому вниманию человека к своей внешности: *Золото нельзя носить – молнию притягает. Считается грехом прокалывать уши – на том свете будет змий за мочку сосать* (д. Осинцево, Кишертский район). Устойчив в связи с этим запрет женщине подстригать волосы: *Нельзя волосы не то что стричь, завивать нельзя. Косы когда чешешь, собирай, в гроб потом положат. Ангелам надо волосы-то, они их будут искать. А как ангел их их заберет? Поморцы волосы и ногти не собирают, хотя и не разбрасывают, сжигают в печке, говоря, что там ангелы найдут. А наши часовенные боятся, что ангелы крылья опалят* (Лысьва).

В запретах отражено и особое отношение старообрядцев к бане. Следующий фрагмент раскрывает целый набор правил поведения в бане: *Баня поганая. Потому что там садишься голый. Надо приходить из бани, обязательно умывать из умывальника водой лицо. В баню обязательно с крестиком ходить. Можно и в рот его взять, чтоб, как считается, поганым не быть. И не положено снимать крест-то. На крест можно лить воду. На поганое ведро, как тетка все говорила, есть молитва, а на банное ведро нет молитвы. Воду в бане пить нельзя, тоже поганая. В баню можно ходить, кроме воскресенья. В пятницу, субботу, субботу только до вечерней, говорят, можно ходить* (Лысьва).

Непростым является отношение к фотографированию. В основном современные носители веры относятся к этому процессу терпимо, но наиболее «истовые» старообрядцы либо определяют особые условия для возможности его осуществления (*Фотографироваться можно, только если встанешь на сено или солому* – д. Усть-Уролка, Чердынский район), либо отказываются фотографироваться. Распространено следующее объяснение запрета: *При крещении человек получает невидимое сияние вокруг головы, которое после кончины будет служить ему пропуском в рай. Этого сияния становится все меньше при каждом греховном деянии, а фотоаппарат когда работает, его ловит и забирает* (Лысьва). Типичны следующие комментарии в адрес фотографа: *Вот ты меня поймал в свое стеколышко, я теперь слепнуть буду* (Лысьва), *Чикнул меня, и с меня ведь кожу обдерёт* (с. В.Язьва, Красновишерский район). Аналогично отдельными носителями традиции воспринимается как грех запись на магнитофон: *Записываться на матифон грешно, я вот умру, а голос после меня наверху останется, болтаться где-то будет* (д. Усть-Уролка, Чердынский район).

Строгих правил в современном старообрядчестве, как находящейся в упадке культуре, становится все меньше. В связи с этим многие верующие избирают для себя послабления (ср. отношение к запрету смотреть телевизор: *Грешно конечно телевизор смотреть. Дак а поп-от на что? Пусть берёт грехи на себя* – д. Антипина, Красновишерский район, где сохраняется беглопоповское согласие). Нередко возникают разного рода трансформации старых норм. Так, в совместной работе на поле две женщины, старообрядка и мирская, вынуждены есть из одной чашки, но чтобы символически избежать «помешки», перегораживают ее на две части: *Посреди блюда положишь ножик или палочку, чтобы каждая ела со своей стороны* (д. Калиновка, Еловский район). Менее жесткое современное отношение старообрядцев к нормам, отступление от старых запретов связано и с философским отношением к понятию грех: по старообрядческой пословице, *Одни грехи смываешь, другие собираешь* (п. Сыпучи, Красновишерский район).

Рассмотренные бытовые запреты в большинстве случаев имеют выраженный религиозный смысл и служат для сохранения чистоты веры, выступают как каноническая, сакральная ценность. Запреты направлены на предотвращение греха, греховного поведения и одновременно являются важной составной частью коммуникативной культуры старообрядчества, служат для ее носителей ориентирами самоидентификации. Исследование запретов и предписаний позволяет полнее раскрыть принятое в современных работах понимание старообрядчества как лингвокультурной общности, выявить изменения в исторически сложившихся нормах и правилах общения, увидеть очевидную связь конфессии с русской диалектной лингвокультурой в целом. Неверно было бы рассматривать их как фанатичный пережиток прошлого; в текстах запретов отражен духовный опыт многих поколений носителей веры.

Примечание

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (научный проект 19-18-00117 «Традиционная культура русских в зонах активных межэтнических контактов Урала и Поволжья»).

Список литературы

Абукаева Л. А. Марийские запреты: к вопросу о природе и специфике // Вестник Марийского государственного университета. 2016. № 1(21). С. 82–86.

Бойко Е. С. Коммуникативное поведение староверов в акте трапезования // Вестник Красноярского государственного педагогического уни-

верситета им. В. П. Астафьева. Филология. 2012. № 1(19). С. 240–243.

Владыкина Т. Г. Поверья в системе этносоциальной регламентации // Удмуртский фольклор: проблемы жанровой эволюции и систематики. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1997. С. 249–279.

Волкова Т. Ф. Повести и легенды о табаке в контексте мифопоэтических представлений о смерти // Смерть как феномен культуры. Сыктывкар, 1994. С. 75–95.

Гайсина Ф. Ф. Запреты как фольклорный жанр в традиционной культуре башкир: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2013. 27 с.

Дронова Т. И. Тематический словарь пословиц, поговорок и присловий Усть-Цильмы / авт.-сост. Т. И. Дронова. Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН. 2014. 167 с.

Зеленин Д. К. Табу слов у народов Восточной Европы и Средней Азии. Ч. II. Л., 1929. 165 с.

Иванова Н. В. Запреты и предписания староверов Латгалии // Научный диалог. 2014. № 4(28): Филология. С. 74–87.

Кабакова Г. И. Пищевые запреты восточных славян и их обоснование. Категория оценки и система ценностей в языке и культуре / отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 2015. С. 167–186.

Морозова Н., Новиков Ю. Чудное Причудье: Фольклор староверов Эстонии. Тарту: HUMA, 2007. 336 с.

Назари Ф. Способы выражения запрета в русском языке // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 6(2). С. 684–686.

Архимандрит Палладий. Обзорение пермского раскола, так называемого «старообрядства» / Палладий Пьянков. СПб.: тип. Духовного журн. «Странник», 1863. 47 с.

Паликова О. Н. Этикет в речи старообрядцев и в словаре говора // Лексический атлас русских народных говоров: материалы и исследования. 2010. СПб., 2010. С. 424–434.

Руссинова Т. В. Особенности функционирования запрета: На материале русского и английского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов: Саратов. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского, 2006. 21 с.

Шахов М. О. Старообрядческое мировоззрение: Религиозно-философские основы и отношение к обществу: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 2000. 51 с. URL: <https://vivaldi.nlr.ru/bd000226299/view> (дата обращения: 01.17.2019).

References

Abukaeva L. A. Mariyskie zaprety: k voprosu o prirode i spetsifike [Mari taboos: on the nature and specific]. *Vestnik Mariyskogo gosudarstvennogo*

universiteta [Vestnik of the Mari State University], 2016, issue 1 (21), pp. 82–86. (In Russ.)

Boyko E. S. Kommunikativnoe povedenie staroverov v akte trapezovaniya [Communicative behavior of Old Believers during the act of meal]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astaf'eva* [Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev], 2012, issue 1(19), pp. 240–243. (In Russ.)

Vladykina T. G. Pover'ya v sisteme etnosotsial'noy reglamentatsii [Beliefs in the system of ethno-social regulation]. *Udmurtskiy fol'klor: problemy zhanrovoy evolyutsii i sistematiki* [Udmurt folklore: issues of genre evolution and systematics]. Izhevsk, Udmurt Institute of History of Language and Literature of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences Press, 1997, pp. 249–279. (In Russ.)

Volkova T. F. *Povesti i legendy o tabake v kontekste mifopoeticheskikh predstavleniy o smerti. Smert' kak fenomen kul'tury* [Stories and legends about tobacco in the context of mythopoetic ideas about death. Death as a cultural phenomenon]. Syktyvkar, 1994, pp. 75–95. (In Russ.)

Gaysina F. F. *Zaprety kak fol'klornyy zhanr v traditsionnoy kul'ture bashkir*. Diss. kand. filol. nauk [Taboos as a folklore genre in the traditional culture of the Bashkirs. Cand. philol. sci. diss.]. Kazan, 2013. 27 p. (In Russ.)

Dronova T. I. *Tematicheskyy slovar' poslovits, pogovorok i prisloviy Ust'-Tsil'my* [Thematic dictionary of proverbs, sayings and bywords of Ust-Tsilma]. Syktyvkar, Komi Scientific Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2014, 167 p. (In Russ.)

Zelenin D. K. *Tabu slov u narodov Vostochnoy Evropy i Sredney Azii* [Taboo words of peoples across Eastern Europe and Central Asia]. Leningrad, 1929, 165 p. (In Russ.)

Ivanova N. V. *Zaprety i predpisaniya staroverov Latgalii* [Latgale old believers' prohibitions and injunctions]. *Nauchnyy dialog* [Scientific Dialogue], 2014, issue 4(28), pp. 74–87. (In Russ.)

Kabakova G. *Pishchevye zaprety vostochnykh slavyan i ikh obosnovanie. Kategoriya otsenki i sistema tsennostey v yazyke i kul'ture* [Food taboos of the Eastern Slavs and their justification. Evaluation category and value system in the language and culture]. Moscow, Indrik Publ., 2015, pp. 167–186. (In Russ.)

Morozova N., Novikov Yu. *Chudnoe Prichud'e: Fol'klor staroverov Estonii* [Wonderful Prichudye: Folklore of Estonian Old Believers]. Tartu, Huma Publ., 2007. 336 p. (In Russ.)

Nazari Fateme. *Sposoby vyrazheniya zapreta v russkom yazyke* [Means of expressing prohibition in the Russian language]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Vestnik of

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod], 2011, issue 6(2), pp. 684–686. (In Russ.)

Archimandrite Palladiy *Obozrenie permskogo raskola tak nazyvaemogo staroobryadstva* [Review of the Perm split of the so-called Old Believers as presented by Palladiy P'yankov]. St. Petersburg, Spiritual journal 'Strannik' Publ., 1863, 47 p. (In Russ.)

Palikova O. N. *Etiket v rechi staroobryadtsev i v slovare govora. Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov: materialy i issledovaniya* [Etiquette in the speech of the Old Believers and dialect dictionary. Lexical atlas of Russian folk dialects: materials and research 2010]. St. Petersburg, 2010, pp. 424–434. (In Russ.)

Russinova T. V. *Osobennosti funktsionirovaniya zapreta: Na materiale russkogo i angliyskogo yazykov*. Diss. kand. filol. nauk [Peculiarities of prohibition functioning: a case study of the Russian and English languages. Cand. philol. sci. diss.]. Saratov, Saratov State University named after N. G. Chernyshevskiy Press, 2006. 21 p. (In Russ.)

Shakhov M. O. *Staroobryadcheskoe mirovozzrenie: Religiozno-filosofskie osnovy i otnoshenie k obshchestvu*. Avtoreferat diss. dokt. filosof. nauk [The Old Believers' outlook: Religious and philosophical foundations and attitudes towards society. Abstract of Dr. philos. sci. diss.]. Moscow, 2000. Available at: <https://vivaldi.nlr.ru/bd000226299/view> (In Russ.)

EVERYDAY PROHIBITIONS AND PRESCRIPTIONS IN THE SPEECH CULTURE OF THE PERM OLD BELIEVERS

Ekaterina N. Svalova

**Associate Professor in the Department of General Linguistics,
Russian and Komi-Permyak Languages and Methods of Teaching Languages
Perm State Humanitarian-Pedagogical University**

24, Sibirskaya st., Perm, 614090, Russian Federation. svalova87@mail.ru

SPIN-code: 6094-4184

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8181-808X>

Submitted 22.07.2019

The article considers set expressions with connotations of prohibition and prescriptions recorded in the speech of the Old Believers of the Perm region. These prescriptive statements reflect the worldview of representatives of the Old Believers' culture and the value system of the religious society as well as serve as a means of its representatives' self-identification. Particular attention is paid to the expressions that organize everyday behavior.

The investigated expressions as a speech genre contain explanations for the basic categories of human existence and the rules of conduct. The reflected system of prohibitions and prescriptions is connected with human spirituality: religious origins retain their leading role in life and its practices and often take the form of its hyper-sacralization. Verbal prohibitions and permissions are mainly based on the opposition 'my own' – 'someone else's', where 'my own' is associated with the right, proper, just behavior, whereas 'someone else's' – with the opposite (from the Antichrist). Deviant behavior is estimated as sinful: in prohibitions and prescriptions lexemes 'sin' and 'wicked' are used at a high level of frequency.

The analysis of the studied materials shows that expressions of prohibitions and prescriptions demonstrate a high level of preservation despite the fact that in modern conditions some norms have lost their relevancy (they either have been reduced or have completely disappeared) and the existing rules have been weakened. The expressions recorded in the speech of the Perm Old Believers mostly correlate with the prescriptions of the Old Believers from other territories of Russia. At the same time, they are evidently different in their component composition and artistic features (rhyme and rhythm that are often created by dialectal vocalization and folk and etymologic parallels). The explanations of existing norms and rules (narratives of an interpretational character) are not identical either. Therefore, prescriptions have their own local specificity typical of the Perm region, which manifests itself mainly at the lexical level.

Key words: subdialects of the Old Believers; speech genre; formulas of etiquette; prescriptions; linguistic means of expressing a prohibition.